

Благодарности

Я бы хотела выразить огромную благодарность сотрудникам научной библиотеки и отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи, в котором хранится большая часть архива Ильи Семеновича Остроухова, а также сотрудникам Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), в котором оказалась другая часть его архива. Отдельная благодарность историку фотографии, коллекционеру Михаилу Золотареву, поделившемуся со мной уникальными фотографиями из своей богатейшей коллекции. Спасибо команде издательства «СЛОВО/SLOVO», много сделавшей, чтобы эта книга увидела свет.

Предисловие

Имя Ильи Семеновича Остроухова ныне известно разве что художникам и историкам искусства, хотя некогда его проносили с придыханием. Друг юности Валентина Серова, человек близкий семье Мамонтовых, а затем самому Павлу Михайловичу Третьякову, доверившему 40-летнему Остроухову управление своей галереей, давно потерялся в окружении прославленных современников: Поленова, Репина, Грабаря, Дягилева, а с недавнего времени еще и собратьев-коллекционеров, Морозовых и Щукиных, которым я посвятила отдельные монографии.

Поразительно, но рубеж XIX–XX веков, времени, которое принято называть Серебряным веком русского

искусства, невозможно представить без героя этой книги, — без Остроухова нельзя рассказать ни о закате передвижничества, ни о бытовании Третьяковской галереи после смерти ее создателя, ни об открытии древнерусской живописи, случившемся в России на заре XX столетия. Не случайно *Ежемесячник собирательства*, журнал *Среди коллекционеров*, вышедший в холодной, голодной Москве 1921 года, не забыл «за шумом современности», что минуло 40 лет художественно-коллекционерской деятельности «человека большой и многогранной культуры», посвятив Остроухову-коллекционеру большую часть отпечатанного на ротапринте и ставшего библиографической редкостью номера. О нем написали мастер «профилей» Абрам Эфрос, получивший 1913 году из рук Остроухова Третьяковскую галерею Игорь Грабарь и тонкий эссеист Павел Муратов, перу которого принадлежит проникновенный отклик на смерть Остроухова в эмигрантском парижском *Возрождении*. Несколько лет спустя в той же газете появится серия муратовских очерков об открытии древнерусской живописи, посвященная тихо ушедшему в далекой Москве Илье Семеновичу Остроухову.

В группе московских коллекционеров — Боткиных, Зубаловых, Щукиных, Морозовых — И. С. Остроухов, как П. М. Третьяков, стоит особняком. Третьяков потому, что еще при жизни превратился в памятник благодаря собранной им галерее, а Остроухов потому, что был художником и, вдобавок попечителем галереи Третьякова. А коллекционер-художник особая статья, не укладывающаяся в классическую рубрику. Писать же об Остроухове оказалось чрезвычайно увлекательно — бесчисленное количество писем, включая черновики, телеграммы, открытки, фотографии, а еще горы счетов на картины и книги — вот где открывался простор для автора литературной биографии. Вряд ли еще представится другой такой шанс следить за жизнью своего героя, прошедшего классический путь

маниакального собирателя — от бабочек и птичьих яиц до живописи импрессионистов и древнерусской иконы, с коротким уходом в живопись, а затем в методичное музеестроительство. Но ни на один час Остроухов не изменил любимому занятию — собирательству.

Илья Семенович собственного бизнеса никогда не имел и вошел в круг богатейшего купечества, женившись на дочери чайно-сахарного магната П. П. Боткина. В отличие от людей состоятельных, способных тратить на пополнение своих коллекций изрядные средства (взять хотя бы двоюродного брата Надежды Боткиной, Сергея Щукина и его братьев), Остроухов, даже став родственником Боткиных, не мог приобретать слишком дорогие произведения искусства. На фабриках и ярмарках ему приходилось бывать редко, сидение в конторе все его время не занимало.

К тому же по первой профессии Илья Остроухов был художник, хотя систематического образования так и не получил, а по призванию — собиратель и музеестроитель. Помимо собственной коллекции он управлял третьяковской — целых 14 лет был главным человеком в галерее, которую старался превратить в национальный музей русской живописи, а у себя в Трубниковском любовно собирал музей своего, личного вкуса. Музеи личного вкуса собирали многие, но Остроухов делал это с невероятным темпераментом, азартом и подлинной страстью, ибо был натурой артистически одаренной. Илья Семенович покупал французскую живопись и русскую графику, восточную бронзу и античное стекло, китайские лаки и русскую икону. Именно ему во многом принадлежит заслуга открытия художественного феномена русской иконы, в которой до Остроухова ценились совсем иные, нежели собственно живописные, достоинства.

Характер у Ильи Семеновича был вздорный, нередко он любил покрасоваться и поиграть в купца, «оправдывая свое замоскворецкое происхождение». Однако, несмотря

на несговорчивость, капризность и безапелляционность суждений, притягивал к себе окружающих — знаниями, вкусом, пониманием. Его заключениям безоговорочно верили: Остроухов не имел права ошибаться, поэтому его ошибки становились сенсацией.

С началом Первой мировой войны жизнь русских купцов и фабрикантов изменилась. Границы закрылись и о покупках в Европе, куда они ежегодно отправлялись на поиски шедевров, пришлось забыть. В июле 1918 года национализировали крупную промышленность, а в конце года объявили народным достоянием частные коллекции. Многие эмигрировали, а Остроухов остался. Его назначили директором Музея иконописи и живописи имени Остроухова, в постановлении так прямо и написали: «Вы назначены директором Музея Вашего имени». Дали оклад, персональную пенсию и две комнаты в его же особняке. Ради музея Илья Семенович был готов снести все: согласился перевесить картины, сам покупал входные билеты, делая вид, что в посетителях нет отбоя.

После смерти Остроухова в 1929 году музей его имени мгновенно ликвидировали и, как тогда было принято выражаться, «распылили», распределив по многочисленным музеям. От музея остался лишь особняк в арбатских переулках, в котором ныне размещается музей, носящий отнюдь не его имя. Но можно не сомневаться, что великий книжник Илья Семенович Остроухов был бы рад, что в этих стенах разместился Литературный музей, чтящий его заслуги перед отечественной культурой.